ЯНА ЖЕМОЙТЕЛИТЕ

МИР В ЧУГУНКЕ

Часть сборника: Дюжина слов об Октябре (сборник)

Яна Жемойтелите
Мир в чугулке

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жемойтелите Я.

Мир в чугулке / Я. Жемойтелите — «Эксмо», 2017

Сказка-быль. «Что ни осень, ни пестрый лист, на Симеона-летопроводца, как подует с Севера злая морянка, доставала Марья берестяные, мужнины еще, поршни и ранехонько утром отправлялась с коробом за плечами через все Койкинцы – тридцать дворов, что вдоль Дырозера раскиданы, – по грибы да по ягоды. Настёха, Марьяна девка, сны доглядывает, лишь перед самым материным уходом голову приподымет, глаза приоткроет – знает уже, что мамка накажет: «Пецьку цёб стопила. Да смотри – дыму не напусти», – строгая была...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Жемойтелите Я., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Яна Жемойтелите

Мир в чугунке

Памяти моей бабушки Анастасии Никитичны Осиповой

Что ни осень, ни пестрый лист, на Симеона-летопроводца¹, как подует с Севера злая морянка, доставала Марья берестяные, мужнины еще, поршни² и ранехонько утром отправлялась с коробом за плечами через все Койкинцы – тридцать дворов, что вдоль Дырозера раскиданы, – по грибы да по ягоды. Настёха, Марьяна девка, сны доглядывает, лишь перед самым материным уходом голову приподымет, глаза приоткроет – знает уже, что мамка накажет: «Пецьку цёб стопила. Да смотри – дыму не напусти», – строгая была.

Гриб – не хлеб, ну и ягода – не трава. Шла Марья через лес к самому болоту. А места-то жуткие; редкий койкинский мужик в этакую глушь забредал. Медведь обойдет, так леший заворожит, закружит. Случилось, мальчонка соседский, Яшка, по ягоды ушел да и сгинул. Три дня мужики по лесу искали – на четвертый только нашли; к порогам завел его леший, на утес заманил и бросил. Сидел Яшка весь синий, однако живой. Ничего, отпоили, только заикаться стал с того случая. А леший, рассказывал Яшка, мужичонка собой гниленький, вроде койкинского попаика, но босой и волос на пробор не чешет.

Против медведя брала Марья с собой берестяной факел. Как войдет в лес, засветит факел над головой – ни один зверь не тронет. А лешего покорила Марья необыкновенной своей смелостью. Как-то увидел леший, баба здоровая, красивая на болото идет, да как загоготал под кустом – другой бы и коньки кверху, но Марья не растерялась и лешему в ответ: «Холера тебя забери!» Того аж пот прошиб, никак не ожидал от бабы такой наглости. С тех пор больше не приставал: уважает.

Осень-то матка – кисель да грибы, а весной сиди да гляди! Как помер Никитка, Марьян мужик, так и надрывалась она с утра до ночи – за себя по дому, за рыбака Никитку на озере. И детям своим, Настёхе с Фаддейкой, спуску в работе не давала. Фаддейка взрослый уже, а девка – горох, косички что мышьиные хвостики. Однако гарусное платье Настёхе к осени справили. Все лето Настёха за платье на огороде спину гнула. «Береги, не носи», – наставляла мамка.

Девка кости широкой, поморской – в мать. Марья с мужиком своим ростом вровень была, а Никитка не худосочный, в дверь заходил – кланялся, вежливым почитали. Кольцо мамкино венчальное Фаддейка как-то примерил, да на пальце не удержал. Соскользнуло кольцо, бочком об пол ударилось... Наползлся Фаддейка – у мамки один разговор: чуть напроказят – отходит по спине скалкой или отцовским ремнем. Настёха тогда кольцо отыскала – в щель закатилось.

Так потихоньку, от осени к осени, от урожая до урожая, прирастало в Койкинцах, как на всем Божьем свете, веку двадцатого.

Уже ворчать начинала мамка: Фаддейке года жениться пришли, и промысел рыбный знает, а он только гармошку растягивает да девок смешит, а то накупит конфет и Настёхе целую пригоршню насыпет.

– Ты бы луцце Васенью Солонину конфектами накормил, – сокрушалась мамка. – Ладна девка, и на тебя, паразита, поглядывают.

Отмахивался Фаддейка:

– Все девки ладны, да отколь берутся злые жены?

¹ 14 (1) сентября.

² Род гнутых сандалий, надеваемых поверх сапог.

- За Васенья в придано-то швейну машинку дают. Германку.
- У твоей Васеньи левый косой, во!
- Так ты справа встань, и не видать.

Всем хороша была ядрена девка Васенья: белолица, коса большая, пушистая, да и глаз совсем немного косил. Последняя у матери осталась; брат в Сороку плотничать подался, сестры давно своих по лавкам сажали. А эта строптива: плечом поведет, хмыкнет – не подступишь. Только издали на Васенью и любоваться. Ну, под вечер мамка гармошку в сундук, а сама чуть зазевается, Фаддейка тут как тут: «Выручай, Настёха!» Настёха канючит:

– Когда ж ты меня, Фаддейка, с собой возьмешь?

– Подрасти пока. Да и боязно мне; уведут сестренку-то.

– Ага, подрасти. Зачем тогда платье шили? Ты вон женишься скоро, с кем же я на игриша ходить буду?

Фаддейка скорый: гармошку под мышку – и на улицу. А Настёха на сундуке пристроится, вроде как прикорнула. Мамка глядь – нет Фаддейки. Настёху растормошит:

– Платье-то цё ново затаскала? А ну, снимай!

Разворчится, как Фаддейка вернется:

– У, змеи, опять мне обманули! – И за свое, про Васенью.

А Фаддейка подпевать:

– Нацинается рассказ про Васенью косой глаз. Жениться, мамка, не долго. Только Бог накажет – долго жить прикажет.

– Ну тя, Фаддейка, к лешему!

От любопытного Настёхиного носа прятала мамка в буфете баночку леденцов. Заповедную, на всякий случай. Открыла Настёха баночку – ба! – целое богатство. Потихоньку, по штучке, а фантик скатает и обратно положит. Так однажды фантики одни от конфет и остались. Сунулась мамка воскресным днем заначку проведать:

– Андель-андель, кто ж это? – Ахнула да и враз к Настёхе.

– Это, мамка, мыши, – сообразила Настёха.

Поверила вроде мамка, чуть успокоилась, походила. А как за блины-то сели, мамка вдруг хлоп по столу! Да так, что верхний блин чуть к потолку не прилип:

– Цё мыши-то, говоришь? А, Настёха? Это мыши на леденцах все фантики развернули?

Вот сяс как тресну!

Фаддейка выручил:

– Ладно, мамка. Это я девкам скормил.

– Девкам! Мало ты конфет накупашь без спросу-то брать?

– Так я, мамка, тебя боюсь. Строга ты больно.

– Дурите свою мамку...

Помолчала...

– Цяю-то наливайте. Блин брюху не порция.

Настёха и рада: обошлось.

– Мамка, расскажи сказку, – чтобы мамка вконец простила.

– Жил-был царь Тофута, и сказка вся тут. Ты цё, маленька?

– Да-а, как игриша, так ма-аленька, – и уже губы кривит.

– Не реви только, ладно. Подрасти с годок-то.

Отпив чаю, набрала мамка грудью воздуха, будто над столом воспарить собиралась, но тут же выдохнула:

– Жила как-то баба Евдокия. Всем хороша и родней богата: пятеро деток, мужик здоровый, кудрявый, мамка опять по соседству, три сестры да брат. Жили сытно, ладно, промеж собой не дрались, никак беды не цяяли. Да беду не клищот – сама приходит. Отправилась как-то Евдокия в лес по грибы, набрала целое лукошко, возвращается было назад

довольна, глядь: а изба-то пуста. На сеновале пусто, в хлеву корова стоит, «му-у» – тоскут. Никого! Кинулась к брату – и того нет. Ни мамки, ни сестер родных. Заметалась Евдокия по деревне, а тут навстречу ей дед хромат: «Родню твою, Евдокия, змей поганый унес. Прилетел, огнем дышит, лапами огород когтит. У, проклятый, всю картошку мне перелопатил! Народ-то попрятался, а твои горды. Ну, змей их в пасть – и назад». Пуще прежнего Евдокия рыдат, а дедка ей: «Не реви! Ступай к поганому-то. Может, он их еще не съил, а на зиму, до голоду, приберег».

Делать нецё, собралась Евдокия в дорогу: пирожков положила в лукошко, горшоцек сметаны взяла да банку варенья. Долго ли шла по лесу, нашла, однако, горушку. На вершине избушка стоит враскоряцку, а в окне видать – змей цый пьет, в блюде дут. Ну, бежать Евдокия к избушке, в дверь колотит, а змей и говорит:

– Цё надо-то?

Вошла Евдокия. В избе дух поганый: пауки, тараканы, а в углу опята растут. Змей-то Евдокии:

– Цё надо?

А она ему:

– На цый пожаловала и вареньица принесла.

Удивился змей:

– Может, у тебя и пироги к цью-то?

– Как же! С грибами, с капустой и сметанка к ним.

– Андель-андель, я поисть люблю. А то третий день цый пустой дую.

Села Евдокия со змеем цый пить. Змей цью отпил, пироги подмел, сметану из горшка вылизал, отвалился и говорит:

– Хитра ты, баба. Прямо будто сестра мне, из хвостатых. Сказывай, зацем пришла.

– А зацем, змеюшка, – спрашивает Евдокия, – родню мою унес?

– Ах, вон ты! Ну, цё забрал, то мое, – отвецят. – Не проси, не верну. А вот в жены тебя я б сосватал. Избу прибирать. Видишь, грязь каку развел, самому противно.

А Евдокия ему:

– И рада бы, змеюшка, нравишься ты мне. Да вот не могу.

– Это как это? Это цё, свой мужик у тебя? Так я его съим.

– Нет, змеюшка, ты сам меня сестрой назвал. А на сестре жениться видан ли грех?

Слово-то силы назад не имеет.

Змей, как курица, под потолок взлетел:

– Ну, баба! Ну, умна! Ладно, одного кого-нибудь отпущу. Выбирай!

Задумалась Евдокия: то-то задаця, не цюжие ведь, жалко.

– Брата, – говорит, – отдай.

– Как брата? Да ты цё? – удивился змей. – А деток не жаль? А мужика своего? Баба ты или нет?

– Жаль, змеюшка. Только мамку взять – она уж в могиле одной ногой. Сестер взять – замуж выйдут, как и нет их. Мужика взять – так я себе еще другого найду, опять и детки пойдут. А вот брата полнородна у меня больше не бут.

– Ну, баба! – охнул змей. – Ну, умна! Всех бери! Ради такой бабы ницё не жалко.

Воротилась в деревню вся Евдокиина родня, и зажили себе не хуже прежнего. А змей еще три года по Евдокии вздыхал, да куды ему!

С рукомойника сорвалась в пустую лохань капля, загудела. Мамка тронула большой рукой мокрое пятно от чая на скатерти...

– Понравилась сказка?

Рот Настёхин скривился, вниз растекаться стал:

– А поцему мамка одной ногой в могиле?

– Так мамки все помират. Ну вот, опять готова реветь. Погоди, я же не помираю еще. С вами помирать – и платья нарядна нету.

– Хитра мамка про меня сказки сочинять. – Фаддейка щурил глаз довольным котом.

– Как про тебя?

– А куды, мол, змею до Васеньи?

– Так баба-то Евдокия, а не Васенья.

– Так змей – то ж я. Зря ты, цё ли, змеями нас ругашь? И грязь, мол, тоже я развожу.

– Тьфу, Фаддейка, Васенья с ума у тебя нейдет, так хоть меня не путай. Сосватал бы этой осенью, и делу конец.

Тринадцатую осень от начала века задувала морянка. Рябина в тот год рясно цвела – много овса будет...

Обиделся вроде Фаддейка:

– Ты, мамка, думашь, совсем я никудышный. А у тебя, помнится, браги в заначке – пьяной, овсяной...

– Ой, ты цё надумал-то? Браги, а?

– Много ли осени осталось? Васенью сватать пойду.

Мамке смешно:

– Шути, кувшин, поколе ухо оторвется.

– А вот я пойду и сосватаю! – сказал, как топором отрубил.

Тут струхнула мамка: дело, кажись, серьезное.

– Погоди, парень, кто ж так делат?

– Васенья, небось, дома чай с пирогами пьет, а тут я!

– Фаддейка! Да разве можно? Стой, Фаддейка!

Куда там! Середка сыта – концы играют. Хватанул Фаддейка полведра браги и – в решето ветер ловить. Бежит, дороги не разбирая, через огороды. Поспеть бы, пока храбрость с хмелем не вышла. Без браги-то нет отваги! Добежал до калитки Васеньиной – не заперто. На собаку цыц! И в дом, дверь рванул, неожиданным-то гостем. Стал на пороге, запыхался, дышит. А Васенья и впрямь чай пьет. Мать ее – толстая, большая, сидит себе бочонком, пирог с клюквой надкусила, да так и застыла с куском в зубах.

Молчит Фаддейка. И Васенья с матерью молчат, смотрят.

Солнышко последнее по самоварному боку – пых. Еще горит бабье лето, еще тепло, жарко, но вот-вот потухнет, обернется угольком, пеплом, ничем. Опоздавший лист коричневой бабочкой прошуршал за окном, и ветер унес его дальше в осень...

Хватил Фаддейка картуз о колено:

– А замуж за меня пойдешь?

Мать Васеньина пирогом поперхнулась, тут же запить хотела – обожглась, руками машет. А Васенья спокойно отвечает:

– Кто же так сватат? По девке хоть бы подарок принес.

Тут мать отошла маленько, на дочку зашикала:

– Помолци! Цяй не молоденька. Ишь, порядок завела – женихов отваживать.

– Это ли мне женихи? Это так, женишонки да женишишки.

– Дура ты. Много свататся, да одному достанешься.

Васенья чуть на лавке подвинулась:

– Садися. Цяю с нами попьешь.

Мать как зашипит:

– Придумала невеста цьевницять! Уж где сватано, там и пропито. Ну-ка, водки Фаддейке налей да сама поднеси.

А Васенья ну капризничать:

– За мной мамка швейну машинку дает. На тако богатство не то рыбацкий сын – любой позарится.

Злость Фаддейку взяла. Чует, понесло. Хмельной что кривой; рот нараспашку, язык на плечо:

– Врешь ты все, Васенья, про машинку-то!

Опешила Васенья:

– Это я? Это цё вру-то? – И уже руки в боки.

– А вот нет у тебя машинки! Не верю!

– Как это не веришь? Я счас по кумполу тресну, так сразу поверишь!

– А все равно не поверю! Нетути!

Васенья чуть не ревет:

– Мамка! Фаддейка-то пьяный!

А мамка серьезно:

– Пьяный не больной, проспится, так пригодится. А жениться тоже не лапоть надеть.

Машинку-то покажи, дура, а то и впрямь не поверит, сбежит.

Призадумалась Васенья, а ведь верно!

– Ну, пойдем, покажу.

Завела Фаддейку в материну, самую дальнюю комнату, тряпицу цветную с сундука сдернула: андель-андель, стоит себе машинка. Германская, новенькая. Блестит. Только на машинку эту Фаддейка едва посмотрел. Оглянулся быстро – хмель хмелем не выбьешь – Васенью крепко за плечи схватил, к себе притянул, расцеловать хотел крепко девку, а она вырвалась да по морде ему, по морде! Видали таких: не кормил, не поил, а целоваться лезет! Раскричалась. Мать на крик бежать, да по дороге ведро ногой задела, упала – вопит. Ну, пока шум, Фаддейка, себе не вольный, машинку-то на плечо и прочь из избы. Мать пуще вопит, и Васенья в визг, выскочила за Фаддейкой, на всю улицу голосит, в юбках путается. Да куда ей за Фаддейкой угнаться! Он с машинкой на плече через все Койкинцы – к озеру. Собаки за ним увязались, ажно пыль столбом, лают... Фаддейка машинку в лодку, успел только от берега отгрести, где поглубже только – и в воду ее, германскую! Прибежала Васенья, запыхалась, да поздно. Сидит на берегу, воет.

Фаддейка в лодке на озере переждал, пока Васенья весь голос выкричит, пока с воя на плач перейдет, заодно и сам отошел чуток. Подплывает к Васенью, на берегу рядом сел, обнял за плечи:

– Не реви! От рыбацка сына рыбе и подарок. Цёб богаце ловилася. А нам того богатства не надо, которо спеси сродни.

– Изыди ты, постылый! Мало вас на цюжо богатство зарится?

– Ой, Васенья, на рожу смазлива, а умок-то незрел. Дура ты, так дура и есь. Зацем же так о людях думаешь, цё каждый всюду выгоду ищет, под себя копат?

– Кому я теперь нужна?

– Цё ж ты, девка, и цены себе не знашь? Да хоть вконец окосей, я тебя всяку любить буду.

– Отколь я знать могла про любовь?

– Ну вот и узнала. Теперь пойдешь за меня?

Не успела Васенья ни «да», ни «нет» Фаддейке ответить, как глядь, из-за пригорка мать Васеньина поспешает, уткой переваливается. А за ней урядник – собой короткий, брюхом трясет, усы тараканьи по сторонам – ух! Мать-то как обозрела картинку: Васенья зареванная с Фаддейкой в обнимку, так и просекла: «Потопил!», и опять в визг. Вцепилась в Фаддейку, кулаком норовит по глазу съездить. Урядник давай отгаскивать.

– Совсем спятила баба. Кого потопил? Жива вона твоя девка, сидит.

– А, ирод окаянный! Если б он Васенью, так ить он машинку швейну изницьтожил.

– Каку машинку?

– Да цё я Васенья в придано берегла. Сама-то и не пошила на ней.

Урядник сразу государственный вид принял:

– Так-с, происшествие.

Почесал за ухом, обошел Фаддейку кругом, – сам Фаддейке чуть выше пупа, с лица завернул – и ну подсакивать:

– Я те покажу безобразия нарушать!

Васенья сладостным голосом, лисичкой:

– Ой, парень-то пьяный. Помилуйте! Пьяный-то цё не сотворит?

– Так и я пьяный бывал, а ума не пропивал. Ну-ка, сын рыбацкий, гонор дурацкий, признавайся, зацем девкино придано в воду кинул?

Фаддейка петушится:

– А кому дело како? Я эту девку сосватал. Придано, значит, ко мне перешло. А уж я с ним цё хоцю, то и делаю.

– Ишь ты, – хмыкнул урядник. – Правда, цё ли, сосватал он тебя?

Васенья потупилась:

– Сватал, – и так покорно головой кивнула.

Низкий ветерок растрепал траву, прядку волос Васеньиных выдернул – и бросил, утих. Русая коса солнечной искоркой занялась, глаза золотятся – тёмный мед...

Проняло урядника по самые пятки:

– Таку и я бы сосватал...

Ух ты! Ух ты! Мать Васеньина всполошилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.